

Семантические и морфологические особенности новейшей лексики (на материале финского языка)

А. М. Дементьева¹, В. М. Авцинов²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹aleksandra.dementieva@gmail.com, ²avtsinov2004@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются результаты семантического и морфологического анализа неологизмов 2010–2022 гг., проведенного на материале финского языка. Выделяется несколько тематических групп новых слов – «защита окружающей среды», «социальное устройство», «культурные явления», «пища» и др. Проанализированы особенности и этапы заимствования новой лексики. Также исследованы основные словообразовательные модели неологизмов. Результаты могут использоваться в сравнительной лексикологии.

Ключевые слова: лексикология, неологизм, заимствование, композит, словосложение

Для цитирования: Дементьева А. М., Авцинов В. М. Семантические и морфологические особенности новейшей лексики (на материале финского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872), С. 23–29. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_23

Original article

Semantic and Morphological Features of Neologisms (based on the material of the Finnish language)

Alexandra M. Dementieva¹, Vjatcheslav M. Avtsinov²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹aleksandra.dementieva@gmail.com, ²avtsinov2004@mail.ru

Abstract. The article presents the results of semantic and morphological analysis of neologisms, based on the material of the Finnish language for the period of 2010–2022. The thematic groups of new words are environmental protection, social structure, cultural phenomena, food and some others. The authors have also analyzed the features and stages of word loaning. In addition, the main derivational patterns of neologisms were studied. The results can be used in comparative lexicology.

Keywords: lexicology, neologism, loan word, composite, compounding

For citation: Dementieva, A. M., Avtsinov, V. M. (2023). Semantic and Morphological Features of Neologisms (based on the material of the Finnish language). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(872), 23–29. 10.52070/2542-2197_2023_4_872_23.

ВВЕДЕНИЕ

Неологизмы являются неотъемлемой частью естественного развития языка. Как отмечается, в развитых языках количество новых слов, зафиксированных в СМИ в течение одного года, составляет десятки тысяч. Это продиктовано как экстралингвистическим фактором – потребностью в наименовании и осмыслении новых явлений, так и внутриязыковым фактором, а именно, тенденцией к экономии речевых усилий, заполнению семантических и экспрессивных лакун в языке [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990].

Неологизмы рассматривались на материале различных языков. В настоящей статье мы рассматриваем семантические и морфологические особенности новых слов на материале финского языка. Сбором финских неологизмов занимается Центр языков Финляндии (*фин.* Kotimaisten kielten keskus) – государственный научный институт, исследующий языки страны, разрабатывающий языковые правила и рекомендации, выпускающий словари, лингвистические журналы. Каждой зимой Центр публикует на своем сайте доступную любому пользователю подборку слов, которые особенно активно употреблялись в финском языковом узусе в течение года. Большинство из них являются абсолютно новыми, однако иногда включаются и уже существующие в языке слова, ставшие по той или иной причине популярными или получившими новое значение.

Очевидно, что не все слова, перечисленные в этом списке и вслед за ним упомянутые в этой статье, закрепятся в словарном фонде финского языка. Некоторые быстро выйдут из употребления, другим суждена долгая жизнь. Помимо новизны, эти слова также характеризуются необычностью, малой известностью в обществе. Как отмечается, неологизмы свидетельствуют о коренных преобразованиях в социуме [Стариченок, 2008].

Анализ, представленный в статье, основывается на лексике из сводного списка, охватывающего период 2010–2021 годы¹. Также был рассмотрен список 2022 года, отдельно размещенный Институтом языков Финляндии. Всего было рассмотрено около тысячи слов и устойчивых словосочетаний.

Интерес данная лексика представляет по меньшей мере по трем причинам. Во-первых, ее анализ дополняет и подтверждает представление о неологизмах в общем языкознании и может использоваться в сопоставительных исследованиях. Во-вторых, тематика новых слов отражает те проблемы и явления, которые особенно волнуют общество

в настоящее время. В-третьих, происхождение и способы образования этой группы лексики указывают на особенности пополнения лексического состава литературного финского языка.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕОЛОГИЗМОВ

Нами было выделено несколько основных тем, к которым принадлежит большинство лексем. Первая – это социальное устройство. Судя по представленной лексике, финское общество продолжает придерживаться концепции «государства всеобщего благосостояния» (социального государства), а также стремится к большей инклюзии. Это подтверждают, например, такие лексические единицы, как *avoimuusrekisteri* (год появления слова 2019²), букв. 'реестр гласности', т. е. реестр, в который вносятся данные об организациях, поддерживающих связи с политиками и различными органами управления. Реестр призван препятствовать лоббизму как форме коррупции. Аналогичным примером является существительное *elinvoimajohtaja* (2017), которое обозначает должностное лицо, отвечающее за развитие и бизнес муниципалитета. Также можно назвать существительное *oppimateriaalilisä* (2019) – материальная помощь, которая выплачивается учащимся профессиональных училищ или лицеев из семей с низким доходом.

К этой тематике также можно отнести слова, связанные с общественными явлениями и кампаниями, отражающие ценности и особенности современного финского общества. Так, в словарный фонд прочно вошло понятие *kehopositiivisuus* (2017) – *бодипозитив*, являющееся калькой английского *body positivity* – движения, призывающего относиться к внешности людей менее предвзято. Другим примером выступает композит *someraivo* (2015), дословно *ярость в социальных сетях*, т. е. быстро распространяющиеся в социальных сетях агрессивные сообщения, адресованные какому-то частному лицу, политику или органам власти. Сюда же примыкает недавно возникший глагол *canceloida* (2021) – *отменить*, происходящий от английского *cancel culture* – *культура отмены*. Данное слово и стоящее за ним явление синонимично лексеме *boikotti* – *бойкот*, однако появление новой лексики для старого понятия свидетельствует о многом, в том числе о росте популярности данного явления. Отметим, что явление скорее трактуется как отрицательное, нежели как положительное. Так, о разрушительности этой формы выражения общественного мнения пишет лингвист И. Лахтинен в своей статье на официальном сайте Института языков

¹URL: https://www.kotus.fi/sanakirjat/kielitoimiston_sanakirja/uudet_sanat/vuoden_sanapoinnot/sanapoinninkooste_2010-2021

² Далее в скобках указывается год первого появления слова.

Финляндии, подчеркивая, что нередко за культурой отмены скрывается злословие и придиришество к выбору выражений того или иного частного лица, хотя изначальная, благородная цель «отмены» – указать на какую-то проблему и дать голос меньшинству¹.

В то время как *canceloida* и *kehopositiivisuus* являются очевидными заимствованиями, отражающими не столько финские, сколько мировые тенденции. Однако можно выделить чисто финские неологизмы, также указывающие на ценности современных жителей Финляндии. Первое, что обращает на себя внимание, – большое количество слов, связанных с природой и особенно с животными. Любовь к природе – это вообще одна из традиционных ценностей финнов. Но любовь и внимание именно к животным, как видится, нашли особенно яркое выражение за последние десять лет. Показательным примером является композит *eläinpoliisi* (2019), букв. 'полиция животных', т. е. отдел полиции г. Хельсинки, который предотвращает и расследует преступления против животных, а также информирует население об их правах. Кроме того, с 2013 года в Финляндии появилась новая должность – *eläinsuojeluasiamies*, т. е. *уполномоченный по защите животных*. Как видно по лексике, проблемам негуманного обращения с животными уделяется внимание вплоть до государственного уровня.

На бытовом уровне также существует немало новых слов по данной теме. Это такие лексемы, как *kissakahvila* (2014), букв. 'кошачье кафе', где живет несколько кошек, с которыми могут общаться посетители. Другим интересным примером является *lukukoira* (2011), букв. 'собака для чтения', т. е. специально обученная собака, которая сидит в библиотеке и слушает детей, которые вслух учатся читать.

Эта тематика перекликается с лексикой, связанной с экологической ситуацией в мире. Помимо большого количества слов, обозначающих собственно экологические проблемы и способы их решения, например, *biotiili* (2018) – *биокирпич*, за последние десять лет возникла также лексика, отражающая чувство озабоченности состоянием окружающей среды и другие негативные эмоции, связанные с этой темой, например *lentohäpeä* (2019), букв. 'стыд от полета', т. е. чувство стыда, которые испытывают люди, когда путешествуют на самолетах, загрязняющих окружающую среду, или *ilmastoahdistus* (2018), букв. 'тревога из-за климата', т. е. тревожность, возникающая из-за размышлений о проблемах экологии.

Интересно также то, что «погода» по-прежнему остается растущим лексико-семантическим

полем. Например, можно выделить несколько необычайно емких композитов с существительным *lumi* – *снег* в составе: *lumi-inferno* (2018), букв. 'снежный ад', т. е. сильный снегопад, вызывающий хаос в дорожном движении; *lumiosaaminen* (2010), букв. 'снежное умение', т. е. умения и техника, с помощью которых можно обеспечить нормальную работу аэропорта во время снегопада; *lumirulla* (2016), букв. 'снежный валик', т. е. сугроб в форме цилиндра, который возникает на открытом пространстве, когда ветер скатывает снег на жесткой поверхности. Интересным глаголом, пришедшим из диалектов, является *hiutaloidea* (2021) – *падать медленными, крупными хлопьями (о снеге)* (от существительного *hiutale* – *снежинка*). Другими словами, входящими в лексико-семантическое поле «погода», являются *myrskyvuoksi* (2018), букв. 'поток в бурю', т. е. затопление во время урагана, возникающее из-за влияния низкого давления, ветра и ливней, *naparyörre* (2018), букв. 'полярный вихрь', т. е. холод, идущий с Северного полюса, *déjà-vu-myrsky* (2020) букв. 'буря дежавю', т. е. сильный циклон, ход движения которого в точности повторяет предыдущий и *sahasää* (2011), букв. 'погода-пила', т. е. быстро меняющаяся погода.

Темы экологии, климатических изменений и любви к животным слились в одном слове, отображающем сразу все перечисленные тенденции: это *apukinos* (2014), букв. 'вспомогательный сугроб', т. е. сугробы, которые сгребают все желающие на льду озера Саймаа, где водится сайменская нерпа, находящаяся на грани вымирания. Сугробы нужны этому животному для того, чтобы выводить потомство, однако в малоснежные зимы снега бывает недостаточно, и детеныши нерпы гибнут без защиты.

Неизменно растущим лексико-семантическим полем остается по очевидным причинам «пища». Здесь также можно увидеть актуальные темы последних лет, причем за двенадцать лет можно выделить сразу несколько тенденций. Во-первых, возросший интерес к кулинарии в целом, когда модные рецепты заимствуются из других культур: *kakkutikkari* (2012) – *кейк-пон*, *mukikakku* (2014) – *кекс в чашке*. Во-вторых, это тема вегетарианства и веганства, и она является более сложной из-за своей культурной и этической составляющей. Внутри нее можно выделить ряд неологизмов, обозначающих растительную пищу, например, *porkkala* (2016) – *морковь*, приправленная по принципу лосося холодного копчения, или *vebab* (2017) – *вегетарианский кебаб*, или *kasviliha* (2019) – *растительное мясо*, или *vihis* (2016) – *веганский пирожок* (по аналогии с *lihis* – *мясной пирожок*). Однако интерес представляют также лексемы, подобные *valevegaani* (2019), букв. 'ложный веган' – человек, не являющийся веганом, но изображающий из себя такового. Данное слово

¹ URL: https://www.kotus.fi/nyt/kotus-blogi/satunnaisesti_kirjoittava_kotuslainen/cancel-kulttuurisa_somen_syovereissa.37403.blog

отображает ценности современного общества, где придерживаться растительной диеты настолько престижно, что находятся люди, которые пытаются притвориться, что занимаются этим. Другим подобным примером является композит *sipsikaljavegaani* (2016), букв. 'веган с чипсами и пивом', т. е. человек, который придерживается веганской диеты, однако питающийся бесполезными продуктами.

В-третьих, лексико-семантическое поле «пища» прирастает словами, обозначающими правильное и экологически чистое питание. Среди них выделяется *sirkkala* (2017), лексема, образованная с помощью суффикса места *-la* от слова *sirkka* – кузнецик. Этим существительным обозначается инкубатор для кузнециков, которые употребляются в пищу. Другими подобными лексемами являются *superruoka* (2010) – суперфуд, *hävikkiruokaravintola* (2016), т. е. ресторан, в котором готовят еду из продуктов, оставшихся непроданными в магазинах, *lautashävikki* (2019), т. е. еда, которую взяли, но не доели посетители ресторана со шведским столом.

Естественно, что за двенадцать исследуемых лет было совершено много научных открытий, разработано много научных инноваций. Ориентированность общества на науку приводит к тому, что в общеупотребительный язык заимствуются новые термины из различных научных специальностей, например, *gravitaatioaalto* (2017) – гравитационная волна, *genomitieto* (2015) – геномная информация, *rautameteoriitti* (2017) – железно-никелевый метеорит¹.

Кроме того, цифровизация общества, ускорившая темп за последнее десятилетие, отразилась на лексическом составе языка. В частности, можно отметить композиты с компонентом *digi-*, например *digiturva* (2020) – цифровая безопасность. Скачок в цифровизации общества привел к возникновению такого понятия, как *digitaalinen eriarvoisuus* (2018), букв. 'цифровое неравенство', т. е. неравенство в возможностях пользоваться цифровыми услугами – например, пожилые люди и инвалиды по зрению испытывают в этой области больше трудностей, чем другие пользователи.

Наконец, пандемия коронавируса привела к появлению большого количества неологизмов. Можно предположить, что многие из этих слов выйдут из употребления после окончания пандемии, однако некоторые явления и их названия, спровоцированные пандемией, останутся, вероятно, в языке надолго. Выделим следующую интересную лексику: *kansanmaski* (2020) – букв. 'народная маска', т. е. дешевая маска, предназначенная для

общего пользования; *karanteenitaide* (2020) – букв. 'карантинное искусство', т. е. развлечение во время карантина, при котором люди воссоздают сюжеты известных картин с помощью вещей, найденных у себя дома; *kastebuumi* (2021) – букв. 'бум крещения', т. е. проведение большого количества крещений детей, которые откладывались во время локдауна; *läpäisyinfektio* (2021) – букв. 'проникающая инфекция', т. е. такая, которой человек заболел, несмотря на полученную от нее прививку; *biopaussi* (2021) – букв. 'биопауза', т. е. небольшой перерыв в онлайн-собрании; *etävirvonta* (2020) – букв. 'онлайн-колядки', т. е. виртуальный обход соседей и родственников ряжеными на Пасху; *hajuharjoittelu* (2022) – тренировка обоняния.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НЕОЛОГИЗМОВ

Как известно, наиболее традиционными способами пополнения лексического состава языка являются заимствования и словообразование с помощью аффиксов. Поэтому неологизмы с абсолютно новым корнем, образованным внутренними силами языка, наблюдаются редко. Среди анализируемых лексем нами не было найдено таких слов, при этом наблюдается большое количество разных видов заимствований, композитов, а также – в меньшей степени – суффиксальное словообразование.

Сначала рассмотрим заимствование существительных. Их можно разделить на несколько типов. Первый из них – это прямые заимствования. Некоторые из них еще не прошли фонетической адаптации: *bitcoin* (2013), *choker* (2016), *gasha* (2019), *fudge* (2012), *tradwife* (2020). Иногда к таким неадаптированным, чуждым для финской фонетики и орфографии, существительным добавляется поясняющее финское слово: *culottes-housut* (2015) – брюки-кюлоты, *cutout-mekko* (2021) – платье с необычным вырезом.

В то же время некоторые прямые заимствования начинают адаптироваться фонетически. Среди них можно также выделить несколько ступеней адаптации. Первичная – это приобретение гласного *i*, позволяющего склонять слово, например, *Eurobond* (2011) – еврооблигация – *eurobondi*. Следующая ступень – удвоение гласных, особенно в ударном слоге, или согласных: *drooni* (2016), *chatbot* (2017) – *chattibotti*. Это происходит стихийно. На этой же стадии адаптации находятся глаголы с показателем инфинитива *-ta*: *crossfitata* (2018) – заниматься кроссфитом, *supata* (2012) – кататься на сапборде, *videoblogata* (2013) – снимать видеоблог. Они приобрели морфологические признаки финского глагола, однако еще не до конца прошли фонетическую адаптацию.

¹ Слово давно известно в русском языке, однако в финском оно вошло в обиход только в 2017 г., когда первый на территории Финляндии железно-никелевый астероид обнаружили в городе Лиекса.

Далее, если слово становится употребительным, в процесс заимствования, как правило, вступает Институт языков Финляндии и предлагает кальку. Калька – второй тип заимствования, распространенный еще более, чем прямой. Так, свои переводные аналоги получили следующие прямые заимствования:

hashtag (2012) – aihetunniste – хештэг
funikulaari (2019) – kiskohissi – фуникулер

Случается, что переводное заимствование приходит в язык, явно минуя органы языкового регулирования, например,

pink tax – pinkkivero (2019)
doomscrolling – tuomioselailu (2020)
skunk hair – haisunääätätukka (2021)

Очевидно, что большинство калек заимствуется из английского, однако в исследуемом материале было обнаружено три слова, достоверно заимствованных из других языков:

haamuasema (2017) – станция-призрак, заброшенная станция (< нем. Geisterbahnhof)
ilmastoahdistus (2018) – тревога из-за климатических проблем (< швед. klimatångest)
kuolinsiivous (2017) – разбор своих старых вещей в конце жизни (< швед. döstdning)

При калькировании существует также промежуточное состояние, на котором может «застрять» слово, а именно полукалька – разновидность кальки, когда переводится только часть слова [ЛЭС]. Наглядным примером может послужить *designpääkaupunki* (2011) *столица дизайна*.

Помимо калек композитов, приходят новые устойчивые словосочетания и фразеологизмы, которые являются тоже переводными. Можно выделить такие примеры, как:

iso kuva (2013) – общая картина ситуации (< англ. big picture)
kulttuurinen omiminen (2016) – культурное присвоение (< англ. cultural appropriation)
planetaarinen ruokavalio (2019) – планетарная диета (< англ. planetary health diet)

Третий тип заимствования существительных является комбинированным: заимствуется корень слова, к которому добавляется один из финских суффиксов отглагольных существительных. Таким образом, данная лексика проходит морфофонетическую адаптацию, хотя не всегда и не полную. В качестве иллюстративного материала

рассмотрим существительное *gluttaus* (2013) – *соблюдение безглютеновой диеты*. Оно образовано посредством присоединения суффикса *-Us* к некоей корневой морфеме, напоминающей основу глагола на *-tA* (**glutata*). Однако такого глагола в финском языке не зафиксировано. Из этого следует, что подобные существительные могут возникать в современном финском языке, не имея производящего слова. То же самое касается существительных с другими суффиксами, которые отвечают признакам отглагольных при отсутствии в языке самого глагола. Например, существительное *merenneitoilu* (2017) – *мермейдинг* образовано с помощью суффикса отглагольного существительного *-ilU*, однако производящий глагол отсутствует. Приведем еще несколько аналогичных примеров:

ploggailu (2018) – бег трусцой, во время которого бегущий останавливается, чтобы поднять и выбросить мусор с обочины
downshiftaus (2011) – дауншифтинг¹
flippaus (2018) – перевернутое обучение

Теперь обратимся к словам, не заимствованным из других языков. Среди именных частей речи можно выделить несколько словообразовательных моделей. Первая из них – это, несомненно, основосложение, важнейший способ образования новых слов в финском языке. Поскольку композиты подробно разбирались ранее, приведем только несколько примеров:

helleuupumus (2021) < *helle* + *uupumus* (*жара* + *устоление*) – вялость, вызванная жарой и палящим солнцем
homepakolainen (2013) < *home* + *pakolainen* (*беглец* + *плесень*) – человек, вынужденный переехать из-за плесени, которой был заражено его прежнее жилище
matkailuporo (2017) < *matkailu* + *poro* (*туризм* + *северный олень*) – северный олень, обученный для катания на санях туристов

Как видно из примеров, семантика сложных слов является исключительно емкой, описывая комплексные понятия.

Второй способ словообразования – это суффиксальный. По сравнению с композитами он менее распространенный. Можно выделить уже упомянутый суффикс отглагольных существительных *-ilU*: *paljasjalkailu* (2012) – *хождение босиком*, *hulailu* (2013) – *кручение обруча*, а также суффикс

¹ Современная жизненная философия отказа от постоянного увеличения дохода, построения карьеры, гонки за дорогими и брендовыми покупками.

-jA, обозначающий лицо: *aulatervehtijä* (2020), т. е. сотрудник поликлиники, встречающий пациентов на входе, и направляющий в нужное отделение.

В проанализированном материале также встретились четыре существительных, образованных способом усечения. Это *moti* (2017), усеченное от *motivaatio* – мотивация; *ramu* (2017) от *ragemutsi* – сильно рассердившаяся мать; *some* (2011) от *sosiaalinen media* – социальные сети; *mauto* (2011) от *mopauto* – квадрицикл.

Рассмотрим образование новых глаголов. Остается продуктивным каузативный суффикс *-(U)ttA-*, присоединяющийся к именной части речи:

somettaa (2011) – пользоваться социальными сетями
halpuuttaa (2015) – удешевить
niityttää (2021) – засеять территорию луговыми растениями

Глаголы с показателем инфинитива *-tA* являются, как правило, заимствованиями. Также можно встретить несколько глаголов с показателем инфинитива *-dA*, скорее всего, финского происхождения:

bulevardisoida (2015) – озеленить автомагистраль
vatuloida (2015) – чрезмерно задумываться о чем-то
mentalisoida (2012) – уметь отличать свои чувства от эмоций других людей

В целом количество неологизмов-глаголов встречается в рассматриваемом материале на порядок меньше, чем существительных.

Наконец, слов других частей речи практически не встретилось в рассматриваемом материале. Так, нами было обнаружено всего три прилагательных: *delfiiniystävällinen* (2014), букв. 'дружелюбный к дельфинам', т. е. не приносящий вреда дельфинам; *etuisa* (2015) *выгодный* и *etuiinen* с тем же значением.

Для сравнения – в русском языке для исследования одних только прилагательных-неологизмов с заимствованными элементами был рассмотрен материал объемом в 200 лексических единиц [Козловская, Павлова, 2020]. На наш взгляд, такое малое количество прилагательных в финском языке обусловлено тем, что первый компонент в многочисленных финских композитах принимает на себя описательную функцию, свойственную прилагательному.

УПОТРЕБЛЕНИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОКРАСКА НЕОЛОГИЗМОВ

Проанализированные слова отличаются друг от друга не только семантикой, но и стилистической окраской. В их употреблении наблюдается типичная для многих языков закономерность: чем

меньше адаптировано с точки зрения морфологии и фонетики слово, тем ниже у него регистр. Например, все глаголы-заимствования с показателем *-tA* имеют в списке помету *ark.*, т. е. относятся к разговорному стилю. В письменном языке они встречаются в первую очередь в текстах, опубликованных в социальных сетях. Также слова, образованные с помощью усечения, имеют сниженный регистр.

Еще одним важным источником неологизмов являются СМИ. Как правило, лексика, впервые употребленная в текстах публицистического стиля, отличается выразительностью и образностью. Интересно, что именно благодаря СМИ в литературный язык иногда попадает диалектная лексика. Так произошло, например, со словом *myteri* – буран, которое употребляется в диалектах хяме и в декабре 2022 года попало в заголовок статьи крупной вечерней газеты «*Ilta-lehti*», а оттуда распространилось по другим текстам.

В свою очередь, наиболее стилистически нейтральной является лексика, которую вводят на государственном уровне для обозначения новых понятий, такая как *muutosneuvottelut* (2022), т. е. переговоры с работодателем об условиях работы при возникновении непредвиденных изменений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализированная лексика позволяет дополнить исследование неологизмов в языках мира материалом финского языка. Во-первых, распространяются полуаффиксы, такие как *digi-* и *bio-*. Приставочное словообразование развито в финском слабо, поэтому упомянутые ранее приставки занимают промежуточное место между префиксами и первыми компонентами композитов.

Лавинообразное заимствование новых понятий приводит к увеличению прямых заимствований, чуждых фомоморфологическим принципам финского языка. Особенно много прямых заимствований приходится на буквы и звуки, редко употребляемые в финском языке, например *C, D, B, W*. Вместе с тем многие прямые заимствования 2010–2014 годов уже заменились кальками, например, *joukkorahoitus* вытеснило *crowdfunding*, *joukkoäly* вытеснило *collective intelligence*.

Что касается частей речи, к которым относятся неологизмы, абсолютное большинство составляют существительные. Это неудивительно: в основном заимствуются названия новых явлений и понятий. Остальные части речи, таким образом, остаются более консервативными, и их состав пополняется медленно.

Важно отметить, что композиты по-прежнему удерживают первую позицию среди

словообразовательных способов финского языка. Потенциал финского языка к образованию такой лексики действительно неограничен.

Эти тенденции можно сопоставить с особенностями новой лексики шведского языка, который оказал существенное влияние на становление финской лексической системы и находится сейчас в сходных с финским культурных и географических условиях. Особенности шведских неологизмов подробно рассмотрены в статье Е. Л. Жильцовой «Новые тенденции развития лексики современного шведского языка» [Жильцова, 2019]. По данным исследования, композиты по-прежнему занимают первое место среди словообразовательных способов шведского

языка – как и в финском. Вместе с тем новые прилагательные и глаголы появляются в большем количестве по сравнению с финским; прилагательные благодаря развитому префиксальному словообразованию, а глаголы с помощью суффикса *-a*, обладающего высокой продуктивностью. Последнее, вероятно, может стимулироваться конверсией, повсеместной в английском языке. В этом отношении финский язык имеет некий «фильтр» в своей фономорфологической и стилистической системе, не позволяющий с такой же легкостью образовывать новую лексику, за исключением композитов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. Стариченко В. Д. Большой лингвистический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008.
3. Козловская Н. В., Павлова А. С. Неологизмы-прилагательные с иноязычными основами в современном русском языке // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 6 (99). С. 117–129.
4. Жильцова Е. Л. Новые тенденции развития лексики современного шведского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 1 (817). С. 163–174.

REFERENCES

1. Jarceva, V. N. et al. (1990). Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' = Linguistic encyclopedic dictionary. Moscow: Sovetskaya enciclopedia. (In Russ.)
2. Starichenok, V. D. (2008). Bolshoi lingvisticheski slovar' = The big linguistic dictionary. (In Russ.)
3. Kozlovskaya, N. V., Pavlova, A. S. (2020). Neologizmi-prilagatelniye s inoyazichnimi osnovami v sovremennom russkom yazike = Adjective neologisms derived from loan-word stems in the modern Russian language. Bulletin of the Cherepovets State University, 6(99), 117–129. (In Russ.)
4. Zhiltsova, E. L. (2019). Novyi tendentsii razvitiya leksiki sovremennogo shvedskogo yazika = New Trends of Vocabulary Development in Modern Swedish. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(817), 163–174. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дементьева Александра Максимовна

кандидат филологических наук, заведующая кафедрой скандинавских, нидерландского и финского языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

Авцинов Вячеслав Михайлович

старший преподаватель кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexandra M. Dementieva

PhD (Philology), Head of the Department of Scandinavian, Dutch and Finnish Languages, Moscow State Linguistic University

Vjatcheslav Avtsinov

Senior Lecturer at the Department of Scandinavian, Dutch and Finnish Languages, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

28.12.2022
31.01.2023
01.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication